

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Б. И. ШАРЕВСКАЯ

ПАМЯТНИК ЖЕРТВЕННОГО КУЛЬТА ДРЕВНЕГО БЕНИНА

В коллекции бенинской бронзы Музея Антропологии и Этнографии в Ленинграде имеется предмет, обозначенный в инвентарной книге следующим образом: «595₋₂₇. Большой жезл (знамя?) из бронзы, украшенный различными фигурами животных: птиц, змей, крокодилов и пр., а также рельефными изображениями человеческих лиц и целыми фигурами. Длина жезла — 1,55 метра». Эта запись в инвентарной книге не только не раскрывает подлинного характера и значения любопытного памятника, к которому она относится, но может даже ввести в заблуждение неспециалиста.

Прежде всего, приходится отклонить обозначение исследуемого объекта как «жезл». Предмет представляет собой массивный железный стержень, облицованный бронзой, настолько тяжелый, что его с трудом поднимают два человека. Кроме того, его общая конфигурация такова, что наибольшая тяжесть сосредоточена в верхней части. Нести и вообще держать его навесу в вертикальном положении невозможно. Единственно вероятное его положение должно было состоять в установке его на тяжелой уравнивающей подставке. На это же указывает и заостренный нижний конец стержня, явно предназначенный для укрепления на цоколе. Следовательно, ни жезлом, ни знаменем, т. е. предметами, которые, как правило, либо несут, либо держат навесу, исследуемый памятник быть не мог.

Интересующий нас объект — не единственный в своем роде. В коллекциях бенинского искусства, хранящихся в других европейских музеях, имеются аналогичные предметы. «Жезл» МАЭ является одним из пяти экземпляров серии «древовидных столбов», описанных Феликсом Лушаном в его фундаментальной публикации бенинского искусства¹. Лушан указывает, что один из столбов, находившийся ранее в Берлине, потом в Лейпциге, в 1900 г. был перевезен в Петербург. Он приводит его краткое описание, соответствующее данным памятника МАЭ². Касаясь подобных предметов, вывезенных из Бенина в другие города Европы, Лушан насчитывает всего пять железных столбов, облицованных бронзой, 9 железных шестов, частично облицованных бронзой, и 14 — оставшихся без всякой облицовки³. Как показывают опубликован-

¹ Felix von Luschan, Die Altertümer von Benin, Berlin u. Leipzig, 1919. Bd. I — Textbuch; Bd. II-III — Tafeln.

² Ibid., S. 454 — примечание.

³ Ibid., S. 453.

ные Лушаном фотографии других столбов, они были утверждены на массивных круглых подставках. На этих цоколях имелись рельефные изображения голов людей, леопардов и каменных топоров.

Зафиксированные Лушаном в достаточно большом количестве и описанные им с внешней стороны, интересующие нас предметы составляют особую группу, характеризующуюся определенными чертами. Группа эта принадлежит к наименее исследованным памятникам культуры древнего Бенина.

Вопрос о назначении и смысле этих предметов встал перед Лушаном при первом знакомстве с ними и не получил своего разъяснения и при дальнейшем исследовании. «При моем описании бенинской коллекции в Штутгарте,— пишет Лушан,— я употребил выражение «деревья-фетиши» (*Fetischbäume*), хотя слово «фетиш» многоосмысленно, негодно и, собственно, не должно быть даже произносимо этнографом. Я обозначаю ныне эти предметы, как «древовидные столбы», что, конечно, тоже ничего не говорит, но я и поныне еще не знаю никаких действительных подходящих выражений для этих примечательных произведений искусства, подлинное значение которых и поныне остается столь же неизвестным, как и во время их открытия»⁴. Лушан приводит некоторые гипотезы о назначении этих столбов: «Сообщения купцов, что на них выставлялись головы обезглавленных, не совсем из воздуха взяты... Имеется другое, правда, совершенно необоснованное указание, что эти столбы выставлялись на королевских плантациях, чтобы отпугивать вредителей, или в качестве апотропейных предметов, или что на них выставлялись головы пойманных хищников, двуногих и четвероногих»⁵.

Для того чтобы принять или отказаться от выставленных предположений о назначении исследуемого нами памятника, необходимо иметь точное представление о его внешнем виде и собрать данные о подобных ему предметах в описаниях Бенина, оставленных посетившими это государство путешественниками и исследователями.

Начнем с обследования самого памятника.

Как уже указано выше, он представляет вертикальный столб, разветвляющийся сверху на три части, так что в целом он имеет вид громадного трезубца. Общая высота столба — 165 см. Нижний конец заострен, явно для вставления в подставку. На расстоянии 30 см от нижнего конца шест опоясан небольшим плоским кругом, диаметром 6 см. Выше диска, на расстоянии 35 см один от другого, расположены 2 пучка свисающих вниз колоколообразных подвесков, по 7 штук в каждом. Между пучками рельефное изображение ползущего вверх по шесту хамелеона (длиной 17 см). Верхний пучок заканчивается плоским кружком, диаметром 5 см. На плоскости круга утверждена стоящая фигура человека (высота 10 см) в митрообразном головном уборе, держащего в каждой руке по дубинке. На высоте 1 м от нижнего конца шест разветвляется. От основного столба в обе стороны отходят под углом два коленчатых стержня, образуя вместе трезубец, верхние концы которого увенчиваются большими тюльпановидными растресками. На горизонтальных частях боковых ответвлений стоят фигурки четвероногих, похожих на леопардов. У каждого из этих животных шея обвита змеей, поднимающей свою голову кверху. Между ними рельефное изображение человека. Оно помещено над первой человеческой фигурой, на втором плане, таким образом, что его ноги должны находиться за головой нижестоящей статуэтки. Эта верхняя фигурка так плохо моделирована, что с трудом можно разобрать лишь одно лицо с рубцами на лбу. Бо-

⁴ Felix von Luschan. Die Altertümer von Benin, S. 453.

⁵ Ibidem.

ковые стержни имеют высоту 36 см, средний — 40 см. Нижняя и верхняя части стержней обработаны в виде спирали. На средней гладкой части всех трех стержней — изображения ползущих вверх хамелеонов и змеек. На среднем стержне немного выше хамелеона помещено изображение зацепившейся за него змеи (20 см длины), которая поднимается вверх как бы в воздухе (сбоку ее поддерживает специальная

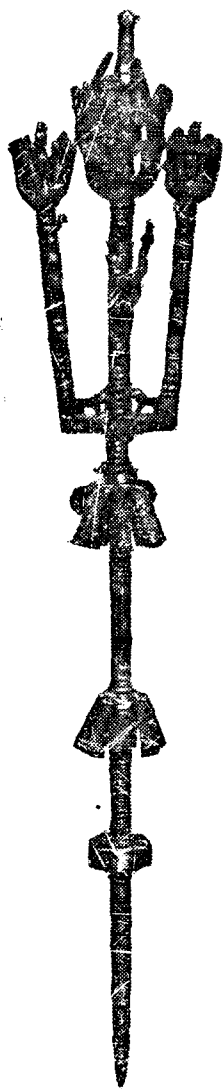

Рис. 1. Ритуальный столб из бенинской коллекции МАЭ (№ 595—27)

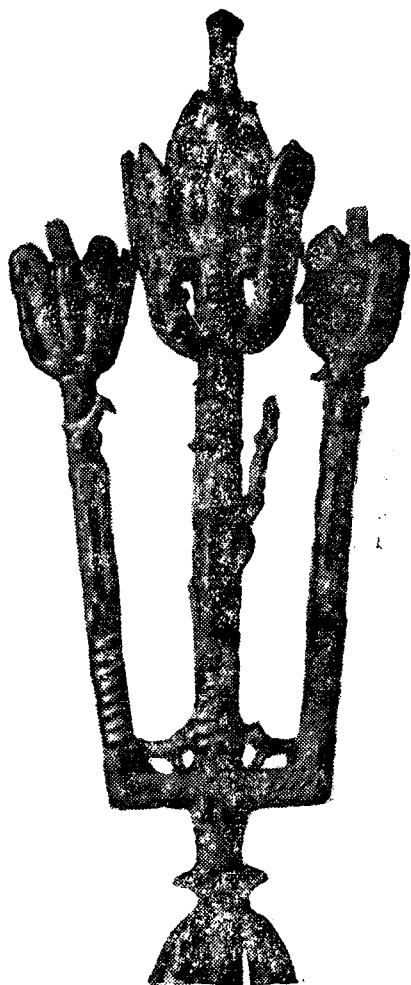

Рис. 2. Верхняя часть ритуального столба бенинской коллекции МАЭ

подпорка). В пасти змеи — человеческая голова. В передние лапы ползущего вверх хамелеона упирается фигура человека, держащего в руках круглый сосуд (высота человека — 10 см). На нем митрообразный головной убор, на лбу с трудом можно разглядеть три вертикальных рубца. На каждом из боковых стержней выше поднимающегося хамелеона по изображению человека (высотой 8 см) в треугольном головном уборе, держащего в руках петуха. Раструбы, увенчивающие разветвления столба, состоят из изображений змей, по шести в каждо

В средней части каждого раструба — изображение хамелеона, утвержденного в горизонтальном положении на подставке. Центральный растроб состоит из восьми поднимающихся кверху стержней. Два задних представляют собой изображения петушиных перьев, четыре боковых — круглые гладкие, два передних изображают бенинский ритуальный меч (так называемый эбере). У рукояток этих мечей помещено по человеческой фигурке (высотой в 8 см). Оба человека имеют в одной руке по дубинке, а вторую протягивают к центральному стержню, оформленному в виде группы фигур, изображающих двух змей, хамелеона между ними, а на спине хамелеона — птицу, которая как бы держит в клюве маленькую фигурку сидящего на голове хамелеона павиана. Фигурка эта соединена с клювом маленьким стерженьком — может быть змейкой, а может быть — соединительным прутиком технического назначения. Павиан изображен с пригнутыми к подбородку коленями и с просунутыми под колени руками, которыми он, вытянув их кверху, обхватил морду.

Технически изучаемый памятник очень несовершенен: отливка страдает большими погрешностями, раковинами и неровностями. Моделировка фигур очень грубая. Поверхность не отчеканена, осталось много заусениц.

Переходим к вопросу о назначении описанного предмета. Прежде всего надо отметить, что наш шест схож с рядом ему подобных. Лушан указывает, что он совершенно аналогичен двум столбам Берлинского музея⁶. Различия относятся лишь к деталям: на берлинских столбах увенчивающую всю композицию птицу поддерживает не хамелеон, а антилопа, и птица держит в клюве не обезьянку, как на нашем памятнике, а змейку, спускающуюся головой к рогам антилопы. На левом разветвлении одного из берлинских столбов поднимающийся вверх хамелеон имеет на морде изображение четвероногого, которому человек в бенинском одеянии наносит удар по шее кривым ножом. С другой стороны человек в том же положении собирается заколоть огромную черепаху. Другие опубликованные Лушаном столбы разнятся больше, но лишь по конфигурации⁷. Состав изображенных фигур остается тем же самым: хамелеоны, крокодилы, птицы, леопарды, антилопы, змеи, обезьяны. Следовательно, перед нами определенная категория предметов, имеющих если не массовое, то во всяком случае не единичное, а, так сказать, серийное назначение. Определить, каково оно было, — остается нашей задачей. Естественнее всего попытаться найти описание подобных предметов с выполняемыми ими функциями у путешественников, посетивших Бенин.

Наиболее ранние описания города и дворца даны голландцами. Они относятся к столетию между началом XVII и XVIII в. Первое из них подписано лишь инициалами D. R.⁸ Второе составлено Самуилом Бломертом и вошло в описание Бенина в книге Даппера⁹. Третье, наиболее

⁶ С III 8505 и С III 8506, Luschan Taf. 108.

⁷ С III 8506, Luschan Taf. 111.

⁸ Помещено Питером де Мареем в его описании Гвинеи, изданном в 1602 г. под названием: *Pieter de Marees, Beschryvinge ende Historische verhael vant Gout koninckryck van Gunea, anders de Goutcuste de Mina genaemt, liggende in het deel van Africa etc.* Ghedruct tot Amsterdam, by Cornelius Schryfbook, Anno 1602. Описание Бенина — стр. 115-119. Немецкий перевод был сделан G. Arthus'om и помещен в книге братьев де Бри: *De Bru, Indiae orientalis, Pars VI, Anno MDCIV*. Подлинный текст и точный немецкий перевод приведены в книге Маркварта: *Jos. Markwart, Die Benin-Sammlung des Reichsmuseums für Völkerkunde in Leiden, Leiden, 1913, S. X—XXVI*.

⁹ *Olfert Dapper, Naukeurige beschryvinge der Afrikaenische Gewesten etc.*, Amsterdam, 1668. В Москве имеется немецкий перевод: *D-r O. Dapper, Umständliche und Eigentliche Beschreibung von Africa usw.*, Amsterdam, 1671. Описание Бенина — стр. 486-494.

подробное, принадлежит Давиду Ньендалю¹⁰. Хотя в этих рассказах описываются многочисленные предметы, в особенности культовые, но ни о каких столбах ни в одном из них не упоминается. То же самое надо сказать и о последующих описаниях, вплоть до момента разрушения Бенина английской карательной экспедицией в 1897 г.

Но в описании города Бенина, составленном одним из участников этой карательной экспедиции, командиром Бэконом, мы находим следующее важное для нас сообщение.

Описывая королевский дворец, состоявший из нескольких зданий, дворов и площадок, Бэкон упоминает о дворовых комплексах, которые он называет «juju compounds»¹¹, представляющих ритуальные площадки, где совершались жертвоприношения. Бэкон сообщает, что их было несколько, совершенно одинаковых. Это была «площадка около 150 ярдов в длину и 60 ярдов в ширину, окруженная высокой стеной, поросшая короткой порыжевшей травой. На одном конце имелся длинный навес во всю ширину двора, и под этим навесом помещался алтарь. Алтарь представлял собой трехступенчатое возвышение, тянувшееся вдоль всего навеса и защищенное его сенью. Оно немного поднималось в центральной части, где стояли прекрасно выгравированные слоновьи клыки, вставленные в отверстия на макушках древних бронзовых голов... В центре некоторых из этих ритуальных площадок находилось железное сооружение, вроде громадного канделябра с остроконечными крюками...» (разрядка наша.— Б. III.)¹².

Хотя это упоминание встречается лишь у одного автора и очень кратко, оно, тем не менее, достаточно определенно указывает на исследуемые нами столбы. «Крюками», очевидно, названы разветвления. Таким образом, устанавливается место нашего памятника: посредине ритуальной площадки, в одном конце которой помещался алтарь, а в другом — яма, в которую бросали тела убитых жертв. Поэтому гипотезы Лушана, который не учел этого сообщения Бэкона, отпадают за ненужностью.

Несомненно, в связи с нашим памятником стоит фотография одного из участников карательной экспедиции 1897 г. Эрдмана. На ней заснят стоявший в королевском дворце столб, высотой в 3 м, на котором помещены прикрепленные к двум крюкам две большие бронзовые человеческие головы в натуральную величину¹³. Фотография очень бледна и расплывчата, детали плохо различимы. Единственно, что очевидно, это то, что изображенный здесь столб не имел характерного для интересующего нас памятника и его аналогов трезубцеобразного разветвления и вообще не был художественно оформлен. С другой стороны, ни столб МАЭ, ни один из опубликованных Лушаном не имеют ни сучкообразных ответвлений, ни какого-либо рода крюков для подвешивания или насаживания голов подобно тому, как это изображено на фотографии Эрдмана. Поэтому, если столб МАЭ и его аналоги близки к объекту фотографии, то все же они полностью не идентичны ему, и объяснить их назначение только как подставок для выставления голов мы не имеем

¹⁰ Опубликовано в качестве 21-го письма в книге Босмана: W. Bosman, Nauwkeurige Beschryvinge van de Guinese, Goud-Tand-en Slavekust. Utrecht, 104. Письмо датировано I. IX. 1701 г. Мы пользуемся французским переводом: Guillaume Bosman, Voyage de Guinée etc., Utrecht, 1705. Письмо Nyendal'a — стр. 430-493.

¹¹ Juju — термин, представляющий европеизированную форму наименования на языке йоруба фигуры предка egugu. Распространен в Западной Африке для обозначения объектов культа.

¹² R. H. S. Bacon, Benin, the City of Blood, London and N. Y., 1897. Цит. по книге H. Ling Roth, Great Benin. Its Customs, Art and Horrors. Halifax, 1903, p. 173.

¹³ Luschap, Op. cit., S. 348, Fig. 515.

оснований. К раскрытию значения нашего памятника мы можем подойти путем исследования его отдельных деталей.

Наибольший интерес представляют помещенные на столбе человеческие фигуры. Таких небольших фигурок здесь имеется всего семь. Грубая моделировка не обрисовывает их одежды. Единственная фигура, одеяние которой можно определить, это самая нижняя. Человек этот изображен с обнаженной верхней частью тела, с однорядным ожерельем. Нижняя часть тела закрыта типичным для негров бини передником, один конец которого поднимается к левому бедру. С трудом можно разобрать контуры головных уборов. В пяти случаях они округлой формы, в двух остальных — треугольной. В особенности важен один факт: у пяти из изображенных фигур на лбу имеются вертикальные рубцы. Это практикуемое бини рубцевание не оставляет сомнения в характере описанных фигур: несомненно, изображены живые люди, а не какие-либо мифические персонажи. Более точное определение этих людей можно сделать, исходя из предметов, находящихся в их руках. Самая нижняя фигурка держит перед собой в обеих руках по дубинке. Две самые верхние фигурки имеют по одной такой дубинке. Назначение этих орудий можно установить. Они служили для убийства жертв. Для этой цели в основном применялось особое орудие очень вычурной формы, с художественными украшениями, с тремя остриями и двумя углублениями, в которых скоплялась кровь для обрызгивания алтаря. Член карательной экспедиции 1897 г. доктор Феликс Норман Рот обнаружил у одного из принесенных в жертву непосредственно перед приходом англичан, но оставшихся в живых людей раны специфического характера. Позже были найдены на алтарях инструменты указанного типа. Подобные же орудия обнаружены в руках бронзовых фигур людей с другими ритуальными предметами¹⁴. Но имеются сообщения и о другого типа орудиях для жертвоприношения. Так, дубинку, подобную изображенному на нашем памятнике, упоминает английский колониальный чиновник Сириль Пенч в своем описании Бенина, относящемся к 1889 г. Пенч сообщает о членах тайного союза окерисон, которые во время ритуала, посвященного вкушению нового ямса, справлявшегося в течение 14 дней ноября, ночью ходили по городу вооруженные короткими металлическими дубинками в виде трубок. Ими они убивали всех, кого встречали в это неурочное время¹⁵. Эти же окерисон выполняли свою роль и на церемонии поминовения умершего короля. Предназначенные в жертву люди рассаживались на площади. По знаку короля окерисон начинали свой обход, держа в руках «инструмент, подобный металлической трубке, с тяжелой заклепкой и с металлическим набалдашником. Окерисон приставлял дубинку к голове и, ударяя с силой, раздроблял тяжелым набалдашником затылок»¹⁶.

Фигура, помещающаяся на центральном стержне, держит прямо перед собой сосуд круглой формы, придерживая его левой рукой снизу, а правой — сверху. Сосуд этот напоминает круглый металлический горшок, который, наполненный пищей, главным образом вареным ямсом, ставился на алтарь в качестве обычного приношения. Подобный сосуд изображен в книге Линг Рота¹⁷.

Фигурки, расположенные на боковых стержнях, изображают людей, держащих петухов. Эти рельефы очень плохо моделированы, и петух непропорционально велик по отношению к человеку. Но эта непропорциональность имеет свое оправдание с точки зрения общей композиции. Петухи выделяются даже при общем взгляде на весь столб издали и

¹⁴ Ling Roth, Op. cit., 61, Fig. 70a, 71.

¹⁵ Ibid., p. 65.

¹⁶ Ibid., p. 74.

¹⁷ Ibid., p. 77, Fig. 82.

хорошо увязываются с контуром змеи, отклоняющейся от центрального стержня, украшая строгие линии вертикальных стержней. Как свидетельствуют все описания Бенина от XVI в. до наших дней, петух, наравне с вареным ямсом, служил самым обычным жертвоприношением¹⁸. Таким образом, судя по предметам, которые держат в руках человеческие фигуры на нашем памятнике, все они изображают жертвоприносителей, участников церемонии жертвоприношения. Пожалуй, с наибольшей ясностью иллюстрирует это положение фигура человека, изображенного на столбе, опубликованном Лушаном¹⁹. Этот человек представлен в самый момент заклания жертвы. Естественно возникает вопрос: не изображают ли указанные фигуры жрецов?

Вопрос о жречестве в Бенине весьма сложен и требует специального исследования, которому в настоящей работе невозможно уделить достаточно внимания и места. Здесь следует только отметить следующие факты: памятники бенинского искусства не дают нам оснований утверждать, что существовал особый жреческий костюм. В этой связи можно указать на чрезвычайно интересную фигуру человека из коллекции МАЭ (№ 595 — 5), одну из пяти одинаковых скульптур, вывезенных из Бенина, значение которой так же, как «древовидных столбов», остается до сих пор не раскрытым. Для нас в данном случае важно, что изображенный в этой скульптуре и обозначенный Лушаном со слов последнего короля Бенина как «Mädizinmann»²⁰ человек имеет максимально простой для бенинца костюм. Верхняя часть тела обнажена, на груди однорядное ожерелье, на руках по одному браслету. Нижняя часть тела закрыта двумя находящимися друг на друга передниками одной фактуры. Голова покрыта условно моделированными волосами. С затылка на лоб спускается змейка.

С другой стороны, мы имеем описание костюмов участников ритуальной церемонии во дворце бенинского короля, составленное французским ботаником Палисо де Бове, посетившим Бенин вместе с французским капитаном Ландольфом в 80-х гг. XVIII в. Описывая церемонию, наблюдаемую им в 1787 г., Палисо де Бове сообщает, что «министр... имел на себе несколько штук одежд различной ценности, обернутых, одна поверх другой, вокруг бедер и спускавшихся до колен; остальная часть тела была обнажена, за исключением трехрядного ожерелья и других украшений из агата и стекла»²¹. Так же и Сириль Пенч сообщает, что присутствовавшая на наблюдаемой им церемонии в качестве участников обряда знать была одета подобным же образом: у всех верхняя часть тела была обнажена, за исключением спускавшихся на грудь ожерелий²². Современный автор, резидент колонии Южной Нигерии, Амори Тальбот указывает, что «ни один человек не мог появиться перед королем в одежде выше пояса»²³. Сообщения эти подтверждаются и изобразительными памятниками. Везде, где представлены персонажи с культовыми предметами, они изображены с обнаженной верхней частью тела. В коллекции МАЭ это положение иллюстрируют две рельефные фигуры с ритуальными мечами в руках (№№ 595—8 и 595—9).

Изображенные на нашем памятнике фигуры по внешнему виду могут быть в одинаковой мере сопоставлены и с 'Mädizinmann'ом и с представителями знати, принимавшими участие в ритуальных церемониях.

¹⁸ Bosman, Op. cit., pp. 483, 484; P. Amaury Talbot, The peoples of Southern Nigeria, vol. II, London, 1926, p. 25.

¹⁹ Luschan, Op. cit., Taf. 108.

²⁰ Luschan, Op. cit., S. 39—331.

²¹ Palisot de Beauvais, Notice sur le Peuple de Benin. «Décade Philosophique», No. 12, Année 9, 1801, pp. 145—150. Цит. по Ling Roth, Op. cit., p. 80.

²² Ling Roth, Op. cit., p. 83.

²³ Talbot, Op. cit., vol. II, p. 737.

Оставляя в стороне общий вопрос о жречестве в Бенине, можно только констатировать, что его нельзя решить только на основании костюма. Далее, в приведенном описании Палисо де Бовэ имеется прямое указание, что отсекал голову не жрец, а специально назначенное должностное лицо²⁴. Сириль Пенч, говоря о членах союза окерисон, сообщает, что ими были представители высшей знати, члены королевской семьи²⁵. Следовательно, считать наши фигуры изображениями жрецов у нас нет оснований. Но они несомненно представляют участников ритуала, выполнявшегося в присутствии короля, и совершающих жертвоприношения.

С ритуальной церемонией связан и предмет, изображения которого составляют два стержня центрального верхнего раструба. Это меч особой формы, характерное бенинское оружие. Изображения такого меча в руках человеческих фигур очень многочисленны на бенинских памятниках²⁶. Его значение как ритуального предмета хорошо иллюстрируется маленькой бронзовой фигуркой, прикрепленной к кольцу, представлявшей, очевидно, змугет²⁷. Фигурка изображает пышно одетого и богато украшенного бусами бенинского вельможу (судя по многорядному ожерелью), держащего перед собой в правой руке поднятый лезвием вверх меч эбере, а в левой — ритуальное орудие. О ритуальном характере этого меча свидетельствует и сообщение упоминавшегося выше Бовэ, который указывает, что присутствовавший на празднестве «министр» «держал в руке большой овальный кортик, просверленный, подобно нашему ситу, и заканчивающийся прикрепленным к рукояти большим кольцом»²⁸. Применение этих мечей описывает Сириль Пенч в указанном выше сообщении о церемонии во дворце в 1889 г. «Каждый знатный человек... держал эбере, которое он вращал в руке... Зазвучала музыка тамтамов и рогов, и начался танец. Один или двое вельмож выступили вперед, иногда приближаясь в танце к королю. Танец состоял собственно в том, что выступавшие придавали своему телу то одну, то другую позу, меняя их последовательно. При этом они непрерывно вращали в руке эбере, время от времени направляя его в сторону короля, как бы указывая острием меча место, на котором стоял король. Другие присутствовавшие знатные люди переместили эбере в левую руку, приветствуя короля поднятой правой рукой, то сжимая ее в кулак, то расправляя пальцы»²⁹.

Переходим к животным, изображенным на исследуемом столбе.

На коленчатых сгибах боковых ответвлений изображены четвероногие, которые, судя по намеченным на шкуре пятнам, следует признать за леопардов. Леопарды очень широко распространены в бенинском искусстве. Имеются великолепные экземпляры круглой скульптуры, а также барельефы, изображающие это животное. В коллекции МАЭ последний вид представлен пластиной тяжелого литья за № 595—20. Кроме таких отдельных фигур, леопарды часто изображаются в виде второстепенных элементов в общих композициях. В особенности интересны фигуры этого животного на памятниках культового характера. Так, леопарды или головы этих зверей непременно помещаются на нижних подставках больших бронзовых голов бенинского литья (см. № 595—1 и 595—2 коллекции МАЭ). Леопарды присутствуют на двух чрезвычайно интересных пластинах с изображением так называемого «короля-фетиша» — человеческой фигуры, в одном случае с ногами в

²⁴ Ling Roth, Op. cit., p. 80.

²⁵ Ibid., p. 65.

²⁶ См. упомянутые пластины МАЭ №№ 595—8 и 9. Отдельные изображения этого меча изображены в книге Ling Roth'a, Op. cit., p. 60, Fig. 69, 70.

²⁷ Ibid., p. 61, Fig. 70a. 71.

²⁸ Ibid., p. 80.

²⁹ Ibid., p. 83.

виде рыб, а в другом случае с рыбами, спускающимися от бедер вдоль ног³⁰. На первой пластине два маленьких леопарда расположены в нижней части плоскости, на второй «король-фетиш» держит в каждой руке по леопарду.

Как известно, во всей черной Африке леопард пользуется особым почитанием. Ношение леопардовых шкур присвоено высшей категории общества — вождям, а там, где возникает государство, — царям. Относительно Бенина мы имеем указание Тальбота, что здесь леопард был тесно связан с особой короля. Все леопарды, убивавшиеся на территории Бенина, должны были поступать в королевский дворец. Из шкур этих животных изготовлялись для короля мантии, веера, коврики. Делались все возможные попытки к поимке живых леопардов. Особой привилегией короля считалось право жертвоприношения этих зверей, такая жертва считалась особенно эффективной, обеспечивающей благополучие короля³¹. Может быть, с этого рода жертвоприношением был связан и обычай держать при дворе леопардов. Обычай этот упоминается в книге Дампера в известном описании выезда короля Бенина, который изображен на помещенной в книгу гравюре³².

Таким образом, изображенные на нашем памятнике леопарды представляют наиболее значительный вид жертвы — жертвоприношение самого короля — и составляют важный момент дворцового ритуала.

Обратимся к другим животным, помещенным на нашем столбе. При общем взгляде на памятник прежде всего бросается в глаза фигура птицы, увенчивающая всю конструкцию. Лушан называет ее ибисом. Однако изображение, с одной стороны, так стилизовано, что считать его реалистическим воспроизведением ибиса нельзя. С другой стороны, мы встречаем в памятниках бенинской культуры многочисленные упоминания и изображения птиц, играющих значительную роль в ритуале и быте Бенина. При этом, однако, приходится отметить, что определить их зоологически довольно трудно, так как указания разноречивы, а изображения условны. В первом описании Бенина, подписанном инициалами D. R., сообщается, что тела принесенных в жертву людей выбрасываются птицам. «К этим птицам они относятся с большим страхом, и никто не смеет причинить им какой-либо вред или выступить против них. Также к ним приставлены люди, которые приносят этим птицам еду и все, что нужно для содержания, что они несут с большой торжественностью, и никто не должен видеть, как они несут, или присутствовать при этом, за исключением тех, кто для этого приставлен, так что они все разбегаются в стороны, когда идут эти люди с кормом, который они несут птицам, и у них существует определенное место, где птицы его получают»³³. Здесь нарисована яркая картина культового отношения к птицам, которые пожирают трупы. Порода этих птиц не обозначена. В описании Бенина у Дампера сообщается об изображениях птиц с распростертыми крыльями, увенчивающих башенки дворца³⁴. Эти фигурки хорошо видны на упомянутой выше гравюре в книге Дампера. Французский путешественник Жан Барбо, посетивший Бенин в 30-х гг. XVIII в., также упоминает о птицах на крыше³⁵. Капитан Ландольф сообщает, что трупы бедняков так же, как и жертв, выбрасываются за город, «где их пожирают стаи ястребов. Эти птицы, величиной с индюков, расхаживают по улицам, и запрещено убивать их, потому что они

³⁰ Ibid., p., 49, Fig. 51, 52.

³¹ Talbot, Op. cit., vol. II, p. 736.

³² Dapper, Op. cit., S. 492.

³³ Marquart, Op. cit., S. XIX.

³⁴ Dapper, Op. cit., S. 496.

³⁵ J. Barbot, A Description of the Coast of North and South Guinea, London, 1732. Цит. по Ling Roth, Op. cit., p. 163.

не вредят никому и уничтожают ящериц и прочих рептилий»³⁶. Хотя здесь дается рационалистическое освещение особому отношению к этим птицам, но их роль как пожирателей трупов жертв ясна. Они названы «ястребами», но «величиной с индюка». Так же называет и описывает их Бовэ³⁷. Посетивший Бенин в 1823 г. Адамс специально останавливается на описании этих птиц. Говоря о всем Гвинейском побережье в общем, он замечает: «Культовые птицы здесь орлы и ястребы; последние — пожиратели нечистот тропических стран, и так бесстрашны перед людьми, вследствие покровительства, которое люди им оказывают за их полезные свойства, что в любом африканском городе их с трудом можно заставить двинуться с места, когда надо пройти»³⁸. Английские путешественники Мофат и Смит, бывшие в Бенине в 1940 г., называют их сарычами (turkeybuzzards), пожирающими трупы³⁹. Английский автор Бертон, бывший в Бенине в 1862 г., описывая дом вождя, пишет: «Подобно всем другим, он имел своих домашних богов, три грубо вырезанных из дерева изображения индюка с повисшими крыльями, размещенные треугольником, поддерживаемые двумя короткими подпорками и поставленные в выкрашенной черно-белыми полосами нише на северной стене, с поднимающейся к ней ступенькой»⁴⁰. Необходимо упомянуть об одном очень любопытном образце бенинской бронзы: это небольшая скульптурная группа из двух очень условно изображенных птиц, раздирающих обезглавленный труп человека со связанными руками, т. е. жертву⁴¹. В МАЭ бенинские культовые птицы представлены памятником из старых коллекций музея, определенным Д. А. Ольдерогге. Он представляет группу из 6 стилизованных птичьих фигур на конце стержня. Таким образом, совершенно очевидно, что в Бенине пользовались почитанием птицы, пожиравшие трупы. Очевидно, это были ястребы, достигшие большого размера и дородности вследствие благоприятных условий в течение многих поколений. Установить, предоставлено ли им пожирание трупов жертв в силу искони существовавшего к ним культового отношения или, наоборот, они стали почитаться вследствие своей роли стервятников, теперь трудно. Вернее всего, что имели место оба момента, которые сочетались друг с другом. Изображения этих птиц сильно варьируют, но все они так условны, что можно принимать их за стилизованные варианты одной и той же породы ястребов. Фигура, увенчивающая столб, тесно связана с описанными нами до сих пор: это тоже участник жертвоприношения, завершающий обряд пожиранием трупа жертвы. С другой стороны, помещение птицы на самом верху всей композиции должно быть сопоставлено с положением фигур на башенках дворца в XVII в. Очевидно, птица придавала сакральное значение сооружению, на котором она помещалась.

Наиболее многочисленны на нашем столбе изображения змей: они обвивают шею леопардов, ползут по стержням, свернувшись, образуют своеобразные раструбы. Наконец, центральное место занимает крупное изображение змеи, четко вырисовывающейся отклоненным от столба силуэтом. Мотив змеи — один из самых излюбленных в бенинском искусстве. Самостоятельные изображения представлены в коллекции МАЭ рельефами на пластинах №№ 595—18 и 595—19 и особенно прекрасной головой большого размера (56 × 36), первоначально прикреплявшейся к корпусу. Изображения змей на бенинских памятниках, входящие в

³⁶ Mémoires du capitaine Landolphe... rédigés sur son Manuscrit par J. S. Quésné, Paris, 1823. Цит. по Ling Roth, Op. cit., p. 42.

³⁷ Palissot de Beauvais. Цит. по Ling Roth, Op. cit., p. 82.

³⁸ Ling Roth, Op. cit., p. 42.

³⁹ Ibid., p. 63.

⁴⁰ Ibid., p. 168—169.

⁴¹ Ibid., p. 54. Fig. 60.

качестве элементов в общую композицию, неисчислимы. Но особенный интерес представляют большие изображения, помещавшиеся на крышах дворца. Упоминания о них мы находим в описаниях Бенина, начиная с XVIII в. и до наших дней. Ньендаль сообщает, что над главными воротами дворца на крыше с башенкой находилась «большая медная змея с головой, свисающей вниз»⁴². Ландольф сообщает о змее в 30 футов длиной и 6 футов в окружности, искусно сделанной из вставленных друг в друга слоновых клыков. Змея эта находилась на крыше одной из королевских гробниц внутри дворца⁴³. Лейтенант Кинг, бывший в Бенине между 1815 и 1821 гг., описывает фасад одного из зданий дворцового комплекса, над которым возвышалась пирамида вышиной в 30—40 футов, на вершине которой была прикреплена медная змея, корпус которой был в толщину человеческого тела, а голова спускалась до самой земли⁴⁴. Подобные же изображения находились на зданиях дворца и во время разрушения Бенина в 1897 г. Участники карательной экспедиции командир Бэкон и Феликс Норман Рот сообщают о громадной бронзовой змее, помещавшейся на крыше здания королевского совета во дворце⁴⁵. Описания эти иллюстрируются двумя интересными памятниками: рельефом дворцового входа со змеей на крыше на пластине из Британского музея⁴⁶ и крышкой бронзового ларца из Ливерпульского музея, изображающей ту же крышу над дворцовыми воротами со змеей над ней⁴⁷.

Широкое распространение культового значения змей у всех народов мира достаточно хорошо известно. Мы не имеем возможности исследовать здесь весь комплекс представлений и обрядов, связанных с этим пресмыкающимся. Остановимся лишь на одном значении, придаваемом змее в Нигерии, на которое указывает Тальбот: «Здесь очень распространено представление об умерших в образе змей»⁴⁸. Такое представление существовало у многих народов, оно гармонировало с местом обитания змей, их образом жизни и повадками. В то же время благодаря близости к земле, змея связывалась с аграрно-магическим комплексом, ее присутствие якобы обеспечивало урожай, а следовательно, и общее благополучие. Эту же роль подателей блага приписывали и предкам, поэтому охранительно-благодетельное значение вполне естественно укрепилось за этим животным. Очевидно, змеи, изображенные на нашем столбе, представляли предков, которым приносились жертвы. Это хорошо иллюстрируется центральной змеей, держащей в пасти человеческую голову, т. е. как бы поглощающей жертвоприношение. Так же и змеи, обвивающие головы леопардов, как бы принимают приносимых им в жертву животных.

Рядом со змеями на нашем памятнике изображены хамелеоны. Способность к смене окраски, быстрота движений и неуловимость способствовали тому, что у многих африканских народов это животное связывается с загробным миром; в мифах хамелеон выступает как посланец богов и виновник смертности людей⁴⁹.

Последнее животное, присутствие которого на нашем памятнике мы должны объяснить, — это павиан. Изображения павианов и вообще обезьян не очень часты в бенинском искусстве, большей частью они входят в качестве составных элементов в композицию сакрального ха-

⁴² Bosman, Op. cit., p. 491.

⁴³ Landolph, I, p. 55. Цит. по Ling Roth, Op. cit., p. 44.

⁴⁴ Ling Roth, Op. cit., p. 165.

⁴⁵ Ibid., p. 173, p. 175.

⁴⁶ Ibid., p. 94, Fig. 95.

⁴⁷ Ibid., p. 164, Fig. 161.

⁴⁸ Talbot, Op. cit., vol. II, p. 301.

⁴⁹ Bernhard Struck, Das Chamäleon in der afrikanischen Mythologie, in «Globus», XCVI, Bd. 96, 1909, S. 174—176.

рактера. Сходство обезьян с людьми вполне объясняет особое отношение к ним примитивного человека, представления об обезьянах как о лесных людях и т. д.

Подводя итоги разбору нашего памятника, мы приходим к следующему выводу.

Перед нами комплекс жертвенного ритуала культа корслевских предков. Здесь изображены участники дворцовой церемонии жертвоприношения: одни держат в руках жертвы, другие — орудия, при помощи которых совершаются жертвоприношения. Далее изображены жертвы — петухи, леопарды. Мы не имеем исчерпывающих данных для решения вопроса, идентичен ли наш столб и ему подобные тому, который сфотографирован Эрдманом. Но если это и так и к нашему трезубцу прикреплялись бронзовые человеческие головы, то они представляли собой субститут настоящих, т. е. тоже представляли жертвы. Птица — стервятник — также участник жертвоприношения. Наконец, последняя группа животных — змеи, хамелеон, павиан — характеризуются особым ореолом таинственности, связью с потусторонним миром. Здесь следует привести одно очень интересное сообщение Тальбота. Описывая представления о загробной жизни у племен Южной Нигерии, он сообщает о распространенном веровании, будто умершие предки, впредь до нового рождения, проводят время среди священных деревьев в образе птиц, змей и четвероногих, а также в образе рыб в реках⁵⁰. Излюбленными воплощениями предков, повидимому, были те животные, которые в силу своих особых свойств, как быстрота движений, неуловимость, смена окраски и т. п., окружались ореолом таинственности. Такими и были змеи, хамелеоны, ящерицы, птицы, обезьяны, антилопы, крокодилы, рыбы. Мы имеем основания предположить, что изображенные на нашем и ему подобных памятниках пресмыкающиеся и животные представляют предков. Это соответствует и сообщению Тальбота о том, что в Нигерии «плодородие, урожай и т. п. главным образом приписывались деятельности предков, и им совершались главные жертвоприношения как на празднествах вкушения нового ямса, так и во время его посадки». Объяснение изображений рептилий и некоторых четвероногих как предков помогает понять присутствие изображений этих существ над подставках бенинских бронзовых голов умерших царей. Очевидно, эти животные представляли как бы генерализованную категорию умерших предков в отличие от изображений отдельных конкретных предков.

Из описания Бэкона мы знаем, что каждому умершему королю была посвящена особая площадка, и один из участников карательной экспедиции, Рупель, составил план такой площадки, помещенный в книге Линг Рота⁵¹. Кроме большого алтаря под навесом на одном конце этого двора на плане отмечена в центре точка, обозначенная как «маленький круглый глиняный алтарь». Ни в одном описании мы не находим сообщения о наличии такого второго алтаря или о совершавшемся перед ним обряде. На плане, составленном Сирилем Пенчем⁵², и в его описании, наоборот, точно указывается, что обряд жертвоприношения совершался непосредственно перед алтарем под навесом, а на площади двора размещались участники церемонии — придворная знать. Сопоставление этих данных приводит к заключению, что на отмеченном на рупелевском плане холмике устанавливался исследуемый нами столб и ему подобные.

По мере усложнения культа возникла потребность в освящении и оформлении, наряду с сакральным фокусом — главным алтарем — всей

⁵⁰ Talbot, *Op. cit.*, vol. II, p. 301.

⁵¹ Ling Roth, *Op. cit.*, p. 184, Fig. 180.

⁵² *Ibid.*, p. 83, Fig. 87.

ритуальной площадки. Вся территория двора таким путем как бы превращалась в храм, где, кроме основного объекта культового обряда стало нужно и побочное культово-декоративное оформление в виде массивного столба с изображением комплекса жертвенного ритуала.

Датировка исследуемого памятника определяется его стилем и техникой литья, а также упоминаниями в источниках. Как мы уже указывали, столб и помещенные на нем фигуры выполнены очень грубо, отливка очень слаба, чеканка отсутствует. Все это свидетельствует о рождении бенинского искусства эпохи расцвета.

Отсутствие упоминаний о таких столбах в ранних описаниях и сообщение о них в самых поздних совпадают с характеристикой художественного стиля и техники и позволяют датировать наш столб серединой XIX в.

Описанный нами памятник хорошо иллюстрирует интенсивное развитие умиловительного культа и большое усложнение ритуала государственной религии, окружавшей сакральным ореолом бенинскую варварскую деспотию.
